

УДК: 72.035.9(5)

ББК: 85.113

А43

DOI: 10.18688/aa177-6-62

Л. К. Масиель Санчес

Исламская архитектура и современная политика: мечети в Константине (Алжир) и Касабланке (Марокко)

Архитектура мечетей — динамично развивающееся направление современной архитектуры. Как любое религиозное здание, мечеть должна прежде всего быть узнаваемой, а значит, вольно или невольно отсылать к историческим прообразам. Но при этом очень часто заказчики и строители хотят сделать ее также созвучной формам современной архитектуры, что облегчается определенной схожестью тяготеющих к абстрактности форм исламского искусства с модернизмом. Увлечение последним в исламской архитектуре было особенно значимым в 1960–1970-е годы, когда были построены мечеть Независимости в Джакарте, Индонезия (1961–1978, арх. Фредерик Силабан), мечеть Байтул-Мукаррам в Дакке, Бангладеш (1960–1968, арх. Абдулхусейн Тариани) и др. В эпоху постмодернизма наметилась тенденция историзации облика мечети (например, мечеть в Риме, 1984–1995, арх. Паоло Портогези), иногда приводящая к полному отказу от современных форм и возврату к эклектическому историзму рубежа XIX–XX вв. (мечеть Абдаллы Салеха в Сане, Йемен, 2001–2008).

Несмотря на яркость, изобилие и масштабность современных мечетей, они изучены недостаточно. В многочисленных общих работах по исламскому искусству и архитектуре им уделяется мало места: по сути, они обычно просто упоминаются. Специальных общих работ по теме немного, они строятся как набор описаний отдельных памятников по регионам, сопровождающихся краткими обобщениями [3; 7; 12]; формальный анализ построек и архитектурные параллели в них практически отсутствуют. Также в них уделяется мало внимания политическим обстоятельствам возникновения построек. В этом отношении характерна работа Ш. М. Шукурова [4], анализирующая религиозную образность и теоретический контекст архитектуры XX в., но не исторические аллюзии и политические сюжеты. Политический аспект представлен в работе Х. Ризви [18], посвященной самым новым мечетям Турции, Ирана, Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратов. Учитывая такой географический охват, обращение к связи архитектурных форм современных мечетей с политикой на примере других регионов (в данном случае Магриба), не исследованных Ризви, представляется актуальной задачей.

В рамках статьи предлагается анализ двух магрибинских мечетей, строившихся одновременно в соседних странах: эмира Абд аль-Кадира в Константине, Алжир (1972–1994) и короля Хасана II в Касабланке, Марокко (1987–1993) Они являются яркими

(и масштабными) образцами историзирующей архитектуры, наполненными политическими смыслами. Марокко и Алжир — соседи, арабские страны, тесно связанные с французской культурой. При этом их политическая ситуация (и история) разные. Марокко — монархия, в течение полувека бывшая протекторатом Франции и затем довольно мирно получившая независимость и почти абсолютную королевскую власть [5] династии потомков пророка Мухаммеда. Алжир был колонией Франции 150 лет и добыл независимость в ходе длительной и кровавой борьбы, после чего находился под властью просоциалистических правительств. Интересно, что и изученность обоих объектов очень разная именно в силу социально-политических обстоятельств. Гражданская война 1990-х годов и ее последствия во многом изолировали Алжир от внешнего мира. Мечеть в Константине практически не известна ни широкой публике, ни историкам архитектуры: по ней нет ни одной специальной работы и ее нет ни в одной из общих монографий по исламу, в том числе книге С.М.Червонной [3], где рассмотрена не одна сотня памятников; лишь в неизданной диссертации А.Менхур, защищенной в самой Константине, удалось обнаружить краткий очерк истории и архитектуры мечети [13, р. 152–156]. Иная ситуация с Марокко, страной одного из ближайших к Европе направлений «экзотического» туризма. Мечеть в Касабланке присутствует во всех общих трудах, так или иначе касающихся современных мечетей [8; 11], в том числе в русскоязычных [2, с. 126–127], а также в ряде работ по истории и политике региона [10; 14]. Примечательно, однако, что детально ее архитектура не анализировалась, хотя о ней есть и книга [17], и диссертация [9]. Итак, задачами данной статьи я вижу: 1) формальный анализ планов, объемов и декора каждой из мечетей; 2) выявление их исторических прообразов; 3) попытку понять, какие ситуации обусловили использование именно этих форм и 4) насколько эти формы соответствуют тому, что думали о мечетях их строители. Последний вопрос кажется мне особенно интересным, так как историки архитектуры ставят его очень редко, сознательно или несознательно полностью доверяя интерпретации творцов.

После кровавой войны за независимость правительство Алжира ориентировалось на социалистическую модель развития. Частью программы председателя Революционного совета Алжира, позже президента Алжира (1965–1978) Хуари Бумедьена была культурная революция. Она сочетала всеобщее бесплатное образование и социальную мобилизацию с деколонизацией истории и арабизацией культуры [16, р. 104–105]. В столице и третьем по величине городе страны Константине были основаны новые университеты, спроектированные выдающимся мастером модернизма бразильцем Оскаром Нимейером (для Константина он даже спроектировал мечеть, но проект не был реализован). Одновременно с университетом в Константине по инициативе жителей было задумано строительство мечети. Это желание довольно неожиданно получило поддержку центральных властей: по желанию Бумедьена скромному проекту предстояло превратиться в грандиозный комплекс, объединивший мечеть с первым исламским университетом в стране.

Архитектором был выбран египтянин Исмаил Хуссейн Мухаммед. Причины этого выбора неизвестны, однако задачи ставились совершенно определенные: построить

здание в историческом стиле. Сам архитектор говорил в 1986 г., что мечеть «не должна быть современной» и «не должна быть как мавзолей Мухаммеда V»¹. Примечательно здесь, что, во-первых, в качестве общепринятого ориентира (иначе зачем бы было отрицать его роль?) был выбран объект в соседнем Марокко, с которым у Алжира всегда есть и будет «архитектурное соревнование»², и, во-вторых, что лишь немного модернизированная постройка воспринимается автором (заказчиком) как современная. Первоначальный проект, предлагавший решение в духе архитектуры Фатимидов³, прекрасно знакомой архитектору, был отвергнут. Архитектор хотел переориентироваться на местные образцы — мечети города Константины и вообще Алжира, и в первую очередь на одно из немногих выдающихся зданий традиционной исламской архитектуры в стране — мечеть Сиди-Бумедьен в Тлемсене (XII в.). Заказчики же настояли на расширении ассоциативного ряда на весь арабский Запад, от Испании до Ливии; архитектор выбрал в качестве ориентира Большую мечеть в Кордове (ок. 785–987). Заложенная в феврале 1972 г., мечеть строилась долго: она была открыта лишь 31 октября 1994 г., хотя университет функционировал в здании с 1984 г.

Мечеть имеет нестандартную планировку, хотя на первый взгляд она может показаться обычной: купольный зал с замкнутым двором перед ним. Как и во всех мечетях Магриба, михраб мечети Абд аль-Кадира ориентирован примерно на восток (с существенным сдвигом на юг). Основа композиции — квадратный купольный зал, к которому с севера (слева от стены киблы) примыкает портик, а с юга (т. е. не напротив михраба, как обычно) — двор, замкнутый в сплошной квадрат двухэтажных корпусов. Под двором, в цокольном этаже, размещены конференц-зал и администрация университета, на первом этаже двора расположены помещения женской мечети, над ними — университетские аудитории. Таким образом, стандартный двор-атриум с аркадами перестал быть проходным, приобретя новые функции и второй этаж, а главная ось здания оказалась параллельной стене киблы. Главный вход ведет в мечеть с северной стороны через обширную эспланаду, однако с запада, напротив стены киблы, также есть торжественный вход (Илл. 138). Пара минаретов (107 м каждый!) установлена на стыке мужского и женского молельного залов.

Главный объем (основная мечеть) — гипостильный зал, над центром которого возвышается широкий и высокий (длина дуги 64 м) купол (Илл. 139). Зальное пространство имеет сложное зонирование. Траверса перед михрабом, симметричная ей западная траверса, а также крайние левый и правый нефы сильно расширены и перекрыты пропускающими много света высокими кровлями, в то время как промежуточные зоны мечети перекрыты низкими сводами и заняты тесно стоящими колоннами. Таким образом

¹ Возведенная в Хасаном II в столице Рабате усыпальница его отца (1961–1971, арх. Эрик Во Тоан). Здесь и далее история строительства и цитаты по: [13].

² «В ответ» на строительство мечети Хасана II (о ней ниже) президент Абдельазиз Бутефлика инициировал строительство в Алжире третьей в мире и крупнейшей в Африке мечети. Несмотря на финансовые и организационные трудности, она строится с 2012 г. китайскими строителями по проекту немецкого бюро КУК (Альберт Кребс и Герхард Кифер). В марте 2017 г. был впервые завершен минарет, более чем на 50 м превысивший минарет в Касабланке!

³ Шиитская династия, правившая в Египте в 969–1171 гг. Важнейшие постройки — мечети аль-Азхар (970–972) и аль-Хаким (990–1010).

широкие, светлые и высокие пространства в центре и по периметру зала жестко противопоставлены его затененным частям.

Многие, но вовсе не все архитектурные формы мечети позаимствованы из архитектуры Магриба и аль-Андалуса. Гипостильный зал с низкими колоннами, часть из которых имеет сочные ионические капители, отсылает нас к ранним мечетям Магриба, в которых использовались римские споллии (Большая мечеть в Кайруане, Тунис, 836–875). В западноисламской архитектуре находят свои параллели «многослойные» аркатуры на стенах, многолопастные арки [15], изразцы со звездчатой композицией (Кордова и мн. др.), сильные выносы крыши и дробный декор стен под ними (многочисленные мечети Марокко XIII–XVII вв., например, медресе Бу-Инания в Фесе, 1351–1356).

Несмотря на программную ориентацию на исламский Запад, в архитектуре мечети есть много форм египетской архитектуры: не столько от упомянутого Исмаилом Хусейном Мухаммедом фатимидского времени, сколько от более позднего мамлюкского периода (1250–1517). Редкий прием [19] постановки двух минаретов на одну из сторон двора позаимствован из ханаки Фараджа ибн Баркука (1399–1412) на Восточном кладбище Каира. Близка ей и изысканная форма купола мечети в Константине, другим возможным образцом которой мог быть купол ханаки-медресе Каит-бея (1472–1474) на том же каирском кладбище. Интересное решение главного зала с противопоставлением светлых и высоких пространств в центре и по периметру с промежуточными затененными зонами было использовано также в самой значимой из поздних мечетей Каира — ар-Рифаи (1868–1885, арх. Хусейн Фахми-паша, 1905–1912, арх. Макс Херц), которая служила усыпальницей вали, хедивов и королей Египта и в своей архитектуре также ориентировалась на мамлюкские образцы [6]. Примечательно, что по своему общему духу и стилю именно она более всего похожа на Константину.

Удивительно, что ожидаемыми магрибинскими и несколько более неожиданными египетскими формами репертуар исторических заимствований архитектуры мечети Абд аль-Кадира не ограничивается. Еще одним сюжетом оказываются заметные включения элементов христианской (по большей части готической) архитектуры, которые могут указывать на желание заказчика придать величественному зданию и некое европейское измерение, возможно намекающее на давнюю интегрированность Алжира в европейскую цивилизацию. К подобным деталям нужно отнести круглые розетки в арках внешних стен, пересекающиеся стрельчатые арки под куполом и, наконец, завершения минаретов, напоминающие колокольни; благодаря им южный фасад мечети сходен с двубашенными фасадами католических храмов. О европейской храмовой эклектике второй половины XIX в. мечеть напоминает и в целом — своей сложной композицией масс, перегруженных декоративными деталями. Наиболее близкой ассоциацией кажется один из первых памятников местной колониальной архитектуры — собор Африканской Богородицы в г. Алжир (1858–1872, арх. Жан Эжен Фромажо), в котором неороманика усложнена исламскими архитектурными деталями. Вряд ли речь идет о намеренном сближении образов, но само по себе сходство историзирующих кунштшюков разного времени примечательно.

В целом архитектура мечети в Константине является продуктом знаточеского интеллектуализма. Она не опускается до банального национализма — возможно, вынужденно,

ибо в Алжире не было зданий, могущих послужить авторитетным архитектурным образцом для великой мечети: постройки Тлемсена слишком близки марокканской традиции, чтобы на их основе можно было создать «алжирский стиль». Не сводится она и к очень распространенному в современной исламской архитектуре панисламизму, когда используются формы из самых разных стран с целью подчеркнуть всемирность ислама. Наконец, формы алжирской мечети оказались несводимы и к ее вербализованному замыслу — репрезентации исламского запада (от Испании до Ливии). Архитектор сознательно или несознательно включил в нее формы родного Египта и хорошо знакомой ему европейской архитектуры (в том числе и античной — римских капителей-сполий). Таким образом, мечеть в Константине (городе, сохранившем и поныне имя крестителя Римской империи) стала проявлением сущности исламского Средиземноморья, неотъемлемой частью которого было и остается взаимодействие с христианским миром.

Интересно, что все эти аллюзии ничего не значат (поскольку не считаются) для жителей Константины. Для них она является символом исламской преемственности и олицетворением антиколониальной борьбы — как это и задумывал Хуари Бумедьен. По замечанию безымянного журналиста местной газеты, «эти два минарета выше всех вместе взятых памятников, которые французские переселенцы поставили погибшим во Вторую мировую войну». Посвященная борцу против колонизаторов эмиру Абд аль-Кадиду (1808–1883), мечеть по иронии судьбы стоит на бульваре, названном в честь другого знаменитого борца-революционера — Че Гевары.

Проект мечети в Касабланке создавался почти на 15 лет позже. Инициатором ее строительства был сам король Марокко Хасан II (1961–1999). К 1970-м годам после отъезда большей части европейцев Касабланка, крупнейший город и экономическая столица страны, начала приходить в упадок; в ней активизировался радикальный ислам. Первоначальный план реконструкции города, порученный французскому архитектору Мишелю Пенсо, предполагал снос целого ряда традиционных кварталов и строительство широких магистралей, а также «реконфессионализацию» города [9] через сооружение новых приходских мечетей. И только в ходе реализации этого плана в октябре 1985 г. король поручил Пенсо проектирование грандиозной мечети на берегу Атлантического океана. Идея связи мечети с водой возникла у короля еще 1980 г., когда он высказывал идеи о сооружении минарета-маяка. Технически беспрецедентно сложная, мечеть была сооружена фирмой «Буйг» в 1987–1993 гг. и торжественно открыта 30 августа 1993 г. Помимо государственного финансирования, мечеть строилась на пожертвования по подписке 1988 г.

Основными идеями здания являются грандиозность, открытость морю и открытость небу. Мечеть имела самый высокий в мире минарет (200 м)⁴, площадь 100 на 200 м, высоту внутреннего пространства 60 м. Рассчитана она на 25 тыс. человек (и еще 80 тыс. могут молиться на эспланаде). Следуя стихам Корана (11:7) «Он — Тот, кто создал, пока Его трон покоился на воде, небеса и землю за шесть дней» [1, с. 139], король настоял на помещении громадного здания на насыпной террасе, выступающей в море (Илл. 140),

⁴ Минарет новой мечети в г. Алжир, вчерне уже заверченный, имеет высоту более 250 м.

что создало огромные технические сложности при строительстве. С идеологической точки зрения это символизирует не просто связь мечети с великой стихией, но и особую открытость Марокко океану. Открыта мечеть и небу, поскольку крыша ее центрального нефа раздвигается, позволяя совершать богослужения внутри мечети под открытым небом. Столь сильный акцент на космогоническом аспекте необычен для современных и тем более традиционных мечетей, хотя сама по себе связь, например, с морем нередка: Ш. М. Шукуров даже выделяет особый тип «акватических мечетей» [4, с. 184–193].

Мечеть в Касабланке значительно сложнее и современнее по объемно-пространственному решению, чем мечеть в Константине. Как отмечалось в многочисленных публикациях о ней, она вдохновлена традиционной марроканской архитектурой. Можно уточнить, что основными ориентирами были сооружения эпохи Альмохадов (1147–1269) и ориентировавшаяся на них архитектура Маринидов (1269–1465) и Саадидов (1525–1659) — период, которому относятся наиболее значимые произведения марокканского зодчества. Основные элементы мечети Хасана II кажутся типичными, даже обязательными для любой марокканской мечети: низкий прямоугольный в плане гипостильный зал, перекрытый высокой кровлей с зеленой черепицей, и высокий, квадратный в плане минарет (как почти все минареты страны, он копирует формы минарета Кутубийя в Марракеше (1196)).

Однако разработка и взаиморасположение этих объемов нестандартны. Снаружи основной объем мечети — не один, но два параллелепипеда, как бы вставленные друг в друга; кровля также двухъярусная. Вход в мечеть не с запада, напротив михраба, но с юга. Исключительно удачно поставлен минарет: он находится по центру длинной стороны мечети и развернут к ней по диагонали — прием, никогда ранее не применявшийся в исламской архитектуре. Диагональность постановки минарета подчеркнута столь же уникальным пятиугольным в плане открытым двором, ограниченным лишь легкой прозрачной колоннадой, выступающей углом на окружающую мечеть площадь. Сбоку к мечети примыкает еще один полукруглый в плане двор, где размещается медресе. Фонтаны для ритуальных омовений перенесены в подвал мечети. «Национальность» мечети выявляется не через инновативную объемно-пространственную композицию, а через декор. В основном он восходит к формам минарета мечети Кутубийя в Марракеше (1196) и медресе Бу-Инания в Фесе (1351–1356) и довольно удачно масштабирован в соответствии с немислимыми размерами здания.

Если эксперимент по соединению современного здания с традиционным декором во внешнем облике мечети можно считать художественной удачей, то этого никак нельзя сказать о внутреннем пространстве. В нем исключительно сильно (и в высоту, и в ширину) подчеркнута пространство центрального нефа, что нехарактерно для исламской архитектуры в целом и вообще отсутствует в Марокко (Илл. 141). Центральный неф иногда выделялся в ранних арабских мечетях, например в Ифрикии, нынешнем Тунисе (Большие мечети в Кайруане (836–875), Сусе (850), г. Тунисе (856–863)); однако их залы ориентированы поперечно и сами центральные нефы лишь немного шире и выше всех боковых. Решение же Пенсо фактически превращает мечеть в базилику; сходство с христианским храмом усилено и единством внутреннего пространства, происходящим и от небольшого количества опор (в этой мечети всего 5 нефов), и от гладкой поверхности

полированного гранита колонн и пола, и от потоков света, льющихся со стороны моря через огромные окна (с напоминающими византийские круглыми расстекловками). Трудно найти решение интерьера, более непохожее на традиционное для Марокко: все старые мечети имеют здесь очень много нефов и густой лес колонн, а бесконечные ряды подковообразных арок дробят их пространство на изолированные компартименты. Многие элементы декора интерьера традиционны (ползучие, сталактитовые и подковообразные арки, деревянные потолки и купола), однако общее впечатление разрушается грубой современной трактовкой капителей и арок, а также неуместным введением европейских элементов и претенциозностью материалов (полированный гранит пола, изобильная позолота, хрустальные люстры и т. п.).

Подведем итоги. Несмотря на подчеркнутый историзм, обе мечети новаторские по композиции. В Константине тип купольной мечети с двором переосмысливается: переориентируется главная ось, двор из атриума превращается в университетский корпус с включением женской мечети. Переосмысливается и пространство главного зала, получившее центральный и боковые световые акценты. Еще дальше в обновлении композиции идет Мишель Пенсо, превращающий мечеть Хасана в подобие христианской базилики с пятиугольным и полукруглым аркадными дворами и эффектно поставленным по диагонали минаретом. Теоретический историзм проявляется в области декора, и в этом значительно удачнее оказывается академично старомодная эклектика мечети в Константине, где аккуратно и остроумно использован сложный набор самых разных аллюзий. Источники их — постройки «большого» Магриба, от Андалусии до Ливии, а также Египта и отчасти христианского Средиземноморья. Мечеть в Касабланке ориентируется только на архитектуру Марокко XII–XVII вв., но модернизирует детали и добавляет целый ряд стилистически неудачных атрибутов современной роскоши.

Выбор форм историзма для алжирской мечети объясняется, по-видимому, ситуацией одновременного строительства в Константине двух университетов — светского и исламского. Если для первого были использованы самые передовые формы мировой архитектуры, выполненные одним из ее крупнейших мастеров (Нимейер), то второй — по контрасту, в силу религиозной специфики и в целях арабизации и деколонизации, — был выполнен в исламских традициях. В связи с этим новизна пространственного решения тщательно закамуфлирована академичностью отдельных форм. Внутри них был сознательно выбран региональный подход: не местный, не национальный и не панисламский. Расширение замысла относительно национального и локального можно объяснить как недостатком узнаваемых шедевров исламского зодчества в Алжире, так и наднациональным характером идеи исламского университета. Но панисламский вариант не был выбран, возможно, из-за желания подчеркнуть значение Алжира как центра определенной части исламской ойкумены, ибо претендовать на роль всей ее он явно не мог бы. Далее, не- (или под-)сознательно архитектор Исмаил Хуссейн Мухаммед добавил египетские и средневековые христианские элементы, придав архитектуре общесредиземноморский облик.

При создании мечети в Касабланке ставилась иная задача: она одновременно должна была обозначить национальное величие Алаутской монархии и ее современ-

ность. В смысле ориентации исключительно на формы марокканской архитектуры и исполнения большого числа элементов интерьера местными мастерами эта задача была выполнена. Возможно, что эта архитектура должна была проводить идею современного просвещенного исламского абсолютизма. На практике же попытка осовременить облик здания (особенно интерьера) с помощью псевдоисторической роскоши вызвал не столько похвалы, сколько активную критику как эстетического, так и этического характера.

Итак, разница в социально-политической ситуации создания двух мечетей в одном регионе, в одно время и в одной стилистике оказала существенное влияние на их архитектуру, выразившись в разном соотношении традиционного и современного и в разном художественном результате.

Литература

1. Коран: пер. с араб., комм. *М.-Н. О. Османова*. — М.: Ладомир: Восточная литература, 1995. — 576 с.
2. *Сухоруков С. А.* Архитектура стран ислама: Традиции и новации. — СПб.: Алетейя, 2014. — 135 с.
3. *Червоная С. М.* Современная мечеть: Отечественный и мировой опыт новейшего времени. — Торунь: Тако, 2016. — 478 с.
4. *Шукуров Ш. М.* Архитектура современной мечети. — М.: Прогресс-традиция, 2014. — 232 с.
5. *Abitbol M.* Histoire du Maroc. — Paris: Perrin, 2009. — 673 p.
6. *Al-Asad M.* The Mosque of al-Rifa'i in Cairo // *Muqarnas*. — 1993. — Vol. 10. — P. 108–124.
7. Architecture of the Contemporary Mosque / *I. Serageldin, J. Steele* (eds.). — London: Academy Editions, 1996. — 175 p.
8. Architecture of the Islam World. Its History and Social Meaning / *G. Michell* (ed.). — London: Thames & Hudson, 1995. — 288 p.
9. *Cattedra R.* La mosquée et la cité. La reconversion symbolique du projet urbain à Casablanca (Maroc) (Thèse Docteur non publiée). — Tours, 2001. — 604 p.
10. *Elleh N.* Architecture and Power in Africa. — Westport: Preger, 2002. — 177 p.
11. *Hillenbrand R.* Islamic Architecture: Form, Function and Meaning. — Edinburgh: Edinburgh University Press, 1994. — 664 p.
12. *Holod R., Khan H.* The Contemporary Mosque: Architects, Clients, Design since 1950s. — New York: Rizzoli, 1997. — 288 p.
13. *Menhour A.* Evolution de la mosquée en tant comme patrimoine architectural religieux. Cas de la mosquée ottomane à Constantine (Thèse Magister non publiée). — Constantine, 2012. — 250 p.
14. Modernism and the Middle East: Architecture and Politics in the Twentieth Century / *K. Rizvi, S. Isenstadt* (eds.). — Seattle: University of Washington Press, 2008. — 296 p.
15. *Montéquin F.-A.* Arches in the Architecture of Muslim Spain: Typology and Evolution // *Islamic Studies*. — 1991. — Vol. 30. — No. 1–2. — P. 67–82.
16. *Naylor Ph. C.* France and Algeria: A History of Decolonization and Transformation. — Gainesville, FL: University Florida Press, 2000. — 457 p.
17. *Ploquin Ph.* La Mosquée Hassan II. — Drémil-Lafage: Daniel Briand, [1993]. — 231 p.
18. *Rizvi K.* The Transnational Mosque. Architecture and Historical Memory in the Contemporary Middle East. — Chapel Hill, NC.: University of North Carolina Press, 2015. — 296 p.
19. *Yeomans R.* The Art and Architecture of Islamic Cairo. — Reading: Garnet Publishing, 2006. — 274 p.

Название статьи. Исламская архитектура и современная политика: мечети в Константине (Алжир) и Касабланке (Марокко).

Сведения об авторе. Масиель Санчес Лев Карлосович — кандидат искусствоведения, доцент. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Мясницкая ул., д. 20, Москва, Российская Федерация, 101000. maciel@hse.ru

Аннотация. Статья касается актуальной темы — архитектуры современной мечети. По ней есть всего несколько монографий, однако почти нет работ, где детально анализировалась бы архитектура отдельных зданий в ее политическом контексте. Исследование посвящено мечетям Абд аль-Кадир в Константине, Алжир (1972–1994, Исмаил Хуссейн Мухаммед) и Хасана II в Касабланке, Марокко (1987–1993, Мишель Пенсо), исследованным *in situ* в 2014–2016 гг. Первая из мечетей практически не изучена, поэтому ей уделено значительно большее внимание.

Автор полагает, что обе мечети соединяют традиционный декор с современными пространственными решениями, особенно смелыми в случае Касабланки (диагональная постройка минарета). Декор этой мечети ориентирован исключительно на национальное наследие, но при этом дополнен современными деталями и материалами, что должно было подчеркнуть традиционализм и одновременно современность монархии Хасана II, а также включить Касабланку в орбиту подконтрольного королю традиционного ислама. Создатели мечети в Константине отказались от попыток модернизации и сделали акцент на точном повторении знаковых форм архитектуры Магриба и аль-Андалуса. Это позиционировало первый исламский университет социалистического Алжира 1970-х годов как новый культурный центр всего западноисламского мира.

Ключевые слова: исламское искусство; мечеть; современная архитектура; историзм; модернизм; постмодернизм; Алжир; Марокко; Касабланка; Константина.

Title. Islamic Architecture and Contemporary Politics: Mosques in Constantine (Algeria) and Casablanca (Morocco).

Author. Maciel, Lev — Ph. D., associate professor. National Research University, Higher School of Economics. Miasnitskaia ul., 20, 101000 Moscow, Russian Federation. maciel@hse.ru

Abstract. This article deals with a topical theme — the architecture of the contemporary mosque. There are only a few monographs on the subject, and even fewer case studies which analyze the architecture of individual buildings in their political context. This article is dedicated to the mosques of Abd al-Qadir in Constantine, Algeria (1972–1994, Ismail Hussein Mohammed) and Hassan II in Casablanca, Morocco (1987–1993, Michel Pinseau) and presents the results of onsite research in 2014–2016. The first of the above-mentioned mosques has not been studied before, and therefore much more attention is paid to it.

The author argues that both mosques combine traditional decoration with contemporary spatial solutions, for example the bold diagonal setting of the Casablanca's minaret. The decoration of this mosque is focused solely on national heritage, but at the same time it is supplemented with modern details and materials. All this should emphasize both the traditionalism and the modernity of Hasan II's monarchy, as well as include Casablanca in the orbit of the traditional Islam controlled by the king. The creators of the mosque in Constantine openly abandoned modernization attempts and emphasized the exact reproduction of the iconic forms of the architecture of Maghreb and al-Andalus. These forms should underline the status of the first Islamic university in socialist Algeria of the 1970s as the new cultural center of the entire Western Islamic world.

Keywords: Islamic art; mosque; contemporary architecture; Revivalism; Modernism; Postmodernism; Algeria; Morocco; Casablanca; Constantine.

References

- Abitbol M. *Histoire du Maroc*. Paris, Perrin Publ., 2009. 673 p. (in French).
- Al-Asad M. The Mosque of al-Rifa'i in Cairo. *Muqarnas*, 1993, vol. 10, pp. 108–124.
- Benabdallah A. L'architecture islamique dans les mosquées maghrébines. *Al-Qods: revue arabo-islamique*, 1985, no. 3, pp. 29–37 (in French).
- Berry-Chikhaoui I. Major Urban Projects and the People Affected: The Case of Casablanca's Avenue Royale. *Built Environment*, 2010, vol. 36, no. 2, pp. 216–229.
- Blair Sh. S.; Bloom J. M. *The Art and Architecture of Islam. 1250–1800*. New Haven; London, Yale University Press Publ., 1994. 348 p.
- Cattedra R. *La mosquée et la cité: La reconversion symbolique du projet urbain à Casablanca, Maroc*. Ph. D. diss. Tours, 2001. 604 p. (in French, unpubl.).
- Chergui S. *Les mosquées d'Alger: construire, gérer et conserver (XVIe–XIXe siècles)*. Paris, Presses de l'Université Paris-Sorbonne Publ., 2011. 378 p. (in French).
- Chervonnaia S. M. *Sovremennaia mechet'. Otechestvennyi i mirovoi opyt noveishego vremeni (Contemporary Mosque. National and World Practices)*. Toruń, Tako Publ., 2016. 478 p. (in Russian).

- Cohen J.-L. *Architectural History and the Colonial Question: Casablanca, Algiers and Beyond*. *Architectural History*, 2006, vol. 49, pp. 349–372.
- Cohen J.-L.; Eleb M. *Casablanca: mythes et figures d'une aventure urbaine*. Paris, Hazan Publ., 1998. 478 p. (in French).
- Combs-Schilling M. E. *Sacred Performances. Islam, Sexuality, and Sacrifice*. New York, Columbia University Press Publ., 1989. 377 p.
- Dijar K. A. Locating Architecture, Post-Colonialism and Culture: Contextualization in Algiers. *Journal of Architecture*, 2009, vol. 14, no. 2, pp. 161–183.
- Elleh N. *Architecture and Power in Africa*. Westport, Preger Publ., 2002. 177 p.
- Ettinghausen R.; Grabar O.; Madina J. *Islamic Art and Architecture. 650–1250*. New Haven, Yale University Press Publ., 2001. 344 p.
- Fontaine J.; Troin J.-F.; Escallier R.; Bisson V. *Le Grand Maghreb (Algérie, Libye, Maroc, Mauritanie, Tunisie). Mondialisation et construction des territoires*. Paris, Armand Colin Publ., 2006. 383 p. (in French).
- Guechi F. Z. *Constantine: Une ville, des héritages*. Constantine, Média Plus Publ., 2004. 231 p. (in French).
- Hillenbrand R. *Islamic Architecture: Form, Function and Meaning*. Edinburgh, Edinburgh University Press Publ., 1994. 664 p.
- Holod R.; Khan H. *The Contemporary Mosque. Architects, Clients, Design since 1950s*. New York, Rizzoli Publ., 1997. 288 p.
- Karber Ph. *Fear and Faith in Paradise: Exploring Conflict and Religion in the Middle East*. Lanham, Md., Rowman & Littlefield Publ., 2012. 368 p.
- Lintz Y. et al (eds.). *Le Maroc médiéval. Un empire de l'Afrique à l'Espagne*. Paris, Hazan; musée du Louvre éditions Publ., 2014. 432 p. (in French).
- Menhour A. *Evolution de la mosquée en tant comme patrimoine architectural religieux. Cas de la mosquée ottomane à Constantine*. MA diss. Constantine, 2012. 250 p. (in French, unpubl.)
- Michell G. (ed.). *Architecture of the Islam World. Its History and Social Meaning*. London, Thames & Hudson Publ., 1995. 288 p.
- Montéquin F.-A. Arches in the Architecture of Muslim Spain: Typology and Evolution. *Islamic Studies*, 1991, vol. 30, no. 1/2, pp. 67–82.
- Nasr S. H. et al. (eds.). *The Study Quran: A New Translation and Commentary*. San Francisco, HarperOne Publ., 2015. 2048 p.
- Naylor Ph. C. *France and Algeria: A History of Decolonization and Transformation*. Gainesville, FL, University Florida Press Publ., 2000. 457 p.
- Piaton C. et al. *Alger: Ville & architecture. 1830–1940*. Arles, Aristéas Publ., 2016. 368 p. (in French).
- Ploquin Ph. *La Mosquée Hassan II*. Drémil-Lafage, Daniel Briand Publ., 1993. 231 p. (in French).
- Rabbat N. What Is Islamic Architecture Anyway? *Treasures of Aga Khan Museum*. Geneva, Aga Khan Trust for Culture Publ., 2011, pp. 17–29.
- Rizvi K. *The Transnational Mosque. Architecture and Historical Memory in the Contemporary Middle East*. Chapel Hill, NC, University of North Carolina Press Publ., 2015. 296 p.
- Rizvi K.; Isenstadt S. (eds.). *Modernism and the Middle East: Architecture and Politics in the Twentieth Century*. Seattle, University of Washington Press Publ., 2008. 296 p.
- Roberson J. The Changing Face of Morocco under King Hassan II. *Mediterranean Studies*, 2014, vol. 22, no. 1, pp. 57–87.
- Serageldin I.; Steele J. (eds.). *Architecture of the Contemporary Mosque*. London, Academy Editions Publ., 1996. 175 p.
- Shukurov Sh. M. *Arkhitektura sovremennoi mecheti (Architecture of the Contemporary Mosque)*. Moscow, Progress-traditsiia Publ., 2014. 232 p. (in Russian).
- Stora B. *Algeria. 1830–2000: A Short History*. Ithaca, NY, Cornell University Press Publ., 2004. 283 p.
- Sukhorukov S. A. *Arkhitektura stran islama. Traditsii i novatsii (Architecture of Islamic Countries. Traditions and Innovations)*. Saint Petersburg, Aleteiia Publ., 2014. 135 p. (in Russian).
- Tuquoi J.-P. *Le Dernier Roi: Crépuscule d'une dynastie*. Paris, Grasset Publ., 2001. 316 p. (in French).
- Yeomans R. *The Art and Architecture of Islamic Cairo*. Reading, Garnet Publ., 2006. 274 p.

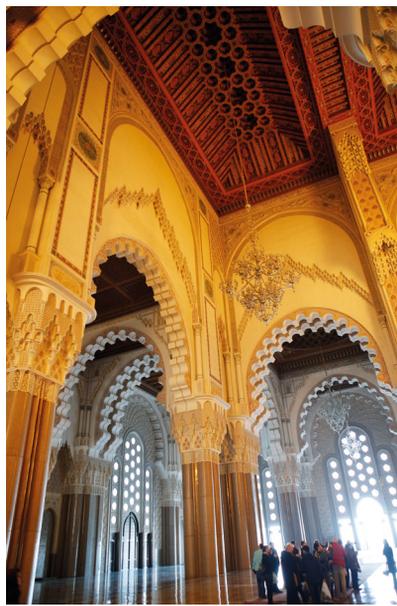
Илл. 138. Константина. Мечеть эмира Абд аль-Кадира, 1972–1994. Западный фасад. Фото Л. К. Масиеля Санчеса, 2014

Илл. 139. Константина. Мечеть эмира Абд аль-Кадира, 1972–1994. Интерьер. Фото Л. К. Масиеля Санчеса, 2014

Илл. 140. Касабланка. Мечеть Хасана II. 1987–1993. Вид с востока. Фото Л. К. Масиеля Санчеса, 2016

Илл. 141. Касабланка. Мечеть Хасана II. 1987–1993. Интерьер. Фото Л. К. Масиеля Санчеса, 2016